

Полякова Ольга Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения ФГОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров
polyakoov@yandex.ru

Истоки отечественной имагологии

Аннотация. Автор анализирует возникновение и развитие имагологии как отрасли литературоведческой компаративистики в России, изучающей национальные образы, закономерности восприятия другого/чужого в системе культуры. Особое внимание уделено научным поискам исследователей из ИМЛИ РАН, в частности одного из основоположников российской имагологии В. Б. Земскова. Рассмотрены его представления о целях имагологии, ее научном инструментарии, понятиях «стереотип», «образ», «имидж», о механизмах и исторических этапах имагологической рецепции и репрезентации.

Ключевые слова: имагология, сравнительное литературоведение, национальный образ, стереотип.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Имагология как научное направление сформировалась в рамках сравнительного литературоведения, которое в России имеет большую и содержательную историю начиная со второй половины XIX в. Традиции отечественной науки в этой области знания, называемой также литературной компаративистикой, были заложены такими выдающимися учеными, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев, Н. И. Конрад и др. Со временем происходило расширение исследовательского поля сравнительного литературоведения, в результате чего в нем появились новые тематические направления – такие как изучение контактных связей (или контактология), типологических схождений, рецепции произведений в инациональной среде, константология, то есть учение о константах национальной культуры и т. д. К числу таких ответвлений Л. В. Чернец относит и имагологию, определяя её как «изучение духовного образа народа с точки зрения иного национального сознания» [1]. Более того, Л. В. Чернец отмечает, что имагологическая составляющая современного сравнительного литературоведения обеспечивает ему жизнеспособность и востребованность: «Возникшая на заре цивилизации антитеза: мы /они, свое/чужое и т. п. – в трансформированном, смягченном виде остается “нервом” компаративистики; иными словами, её вектором является национальное своеобразие литературы и, далее, особенности национального менталитета» [1].

В нашей стране имагология как научная дисциплина складывалась постепенно – от осознания необходимости исследования национальных образов, рецепции и репрезентации образа «другого» через формирование понятийного аппарата, до конца еще не устоявшегося, до развернутых, обстоятельных исследований в рамках большой конкретной темы с теоретическими вводными главами (это прежде всего труды В. А. Хорева, В. Б. Земскова, Н. П. Михальской). Думается, нельзя игнорировать и тот факт, что в советский период в литературоведении сложилось целое направление, которое, по мнению Л. П. Егоровой, в ретроспективном плане можно назвать имагологическим. Несмотря на то что работы ученых несли в себе неизбежный в то время идеологический заряд, обусловленный заданным клише «Дружба народов – дружба

литератур», в них раскрывался процесс восприятия русскими писателями менталитета и бытового уклада представителей других национальностей, литература рассматривалась как важный фактор межкультурной коммуникации, а главное – проводилась столь актуальная сегодня мысль о полиэтническом и многоконфессиональном единстве огромной страны [2].

В то же время в трудах, посвященных проблемам сравнительного литературоведения, высказывались идеи, которые стали ключевыми в теории имагологии. Так, известный отечественный ученый Б. Г. Реизов одним из первых в стране заявил о необходимости исследования отражения национальных образов в литературе: «Важным фактором в истории международных литературных связей является образ страны, сотворенный воображением историков, критиков, философов-читателей разных вкусов и интересов», – отмечал исследователь, продолжая свою мысль следующим образом: «Возникновение или эволюция... национальных типов, какими они существуют в воображении других народов или своем собственном, до сих пор не исследованы, хотя отлично известны всем европейским литературам, а в настоящее время, очевидно, не только европейским» [3].

Имагологами были восприняты положения разработанной М. М. Бахтиным концепции «диалога культур», в частности мысль о том, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила. Мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [4].

Проблемы, связанные с национальной ментальностью, национальными образами мира, восприятием «другого» и их отражением в культуре и литературе, волновали Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Г. Д. Гачева и многих других литературоведов и мыслителей. В совокупности их идеи не только составили прочный фундамент, на котором сейчас развивается отечественная имагология, но и позволили ей обрести свою особую форму, самобытность, которая определяется не столько теоретическими рассуждениями и логическими выкладками, сколько духовными поисками, связанными с проблемой национальной самоидентификации.

Сам термин «имагология», введенный Х. Дизеринком во второй половине XX в., еще только приживается в отечественной научной среде. О том, что это направление признано востребованным и продуктивным, свидетельствуют материалы круглого стола, проведенного в 2003 г. Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, который был посвящен проблемам современного сравнительного литературоведения. По словам А. Д. Михайлова, компаративистика после нескольких лет спада, проявившегося в разобщенности исследований, проводимых в этой области, вновь выходит «на передовой рубеж» литературоведческих изысканий, в том числе и благодаря новым направлениям, в частности имагологии. Эту мысль подхватывает и развивает В. Е. Багно, отмечая, что особенно перспективными становятся компаративистские исследования не в традиционном генетическом или типологическом русле, а изучение взаимного ознакомления народов, «штудии в области имагологии», которые будут тем успешнее и востребованнее для общества, чем теснее будут связаны с философской и психологической антропологией, этнографией, социальной психологией, историей и другими гуманитарными дисциплинами. При этом имагология не должна терять ни своего предмета (художественная литература), ни своего специфического инструментария, подчеркивает В. Е. Багно [5].

Концептуальный характер носило выступление А. Ю. Большаковой, которая, рассуждая о компаративистских методах, изложила свой взгляд на сущность имагологического подхода. Называя матричность приоритетным свойством сравнительного исследования, она утверждает, что при имагологическом подходе матричную функцию берет на себя образ страны, региона (континента) или известного города: «Выстраиваемые здесь сравнительные ряды предполагают зеркальность, взаимоотражение и даже взаимовлияние возможных компонентов» [6]. Диапазон такого «диалога культур» достаточно широк: от общих региональных построений («Образ Запада в русской литературе», «Образ России в литературе Запада») до локальных, детализированных («Москва глазами американских писателей»). Ряды таких построений можно множить и множить, подчеркивает А. Ю. Большакова, отмечая при этом, что сравнительный аспект здесь имеет свою специфику: «по сути, сравнению подлежит один и тот же образ (страны, к примеру) как: а) реально существующий национальный мир, часть социоисторической действительности; б) сложившийся в национальном сознании его жителей, обитателей и носителей присущего ему языка; в) претворенный художественным сознанием, творческим воображением и культурной памятью народа; г) созданный другими народами под впечатлением от путешествий, общения, чтения, прочих коммуникативных средств (и т. д.). Этот “созданный” образ не только не всегда соответствует реальному, но обладает своей спецификой и законами построения и развития – ментальными. Поэтому и мерцающие блики и миражи пронизывают магическими вспышками откровений эту сферу компаративистики, возводя её задачу в ранг межнациональной (де) мифологизации».

А. Ю. Большакова справедливо говорит о привлекательности имагологических исследований, которая обусловлена «сочетанием мифологичности, воображаемости (как предметной неизбежности) и – четких реалий, связанных с географическим топом на карте мира, историософскими параметрами, социальной данностью, политикой, религией и прочими конкретными сущностями... Уникальность сравнительного анализа здесь состоит в редкостном построении “второй” – даже более сущностной, как кажется, – воображаемой реальности» [7].

За минувшее со времени круглого стола десятилетие в области отечественной имагологии произошли значительные изменения. Ученые предлагают и осуществляют разные подходы к освоению имагологического материала. Так, Вл. А. Луков использует тезаурусный подход, когда «диалог культур, взаимоотражение литератур, симбиоз литератур, понимание специфики всей культуры и другие тезаурусные расширения имагологии ведут к решению крупной задачи культуры – пониманию Другого» [8]. Проблемы национальной идентичности и её отражения в художественном сознании стали предметом научного осмысления в ряде работ, проблемы имагологии обсуждаются на научных конференциях, им посвящаются сборники научных трудов. Следует особо выделить монографии В. А. Хорева «Польша и поляки глазами русских литераторов» (М., 2005), Н. П. Михальской «Россия и Англия: проблемы имагологии» (М.; Самара, 2012) и авторского коллектива под руководством В. Б. Земскова «На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.)» (М., 2011).

Самый значительный на сегодняшний день вклад в развитие имагологической мысли в отечественной науке внес В. Б. Земсков, доктор филологических наук, профессор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, заведовавший отделом литератур Европы и Америки новейшего времени.

Его статья «Образ России “на переломе” времен (теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры)», выставленная в 2006 г. на сайте «Новые

российские гуманитарные исследования», стала теоретической и методологической основой для многих российских ученых, обратившихся в последнее время к проблемам восприятия инонациональных культур и образов. Итогом большой и плодотворной исследовательской работы В. Б. Земскова и его коллег, выполнявшейся при финансовой поддержке РГНФ, стал коллективный труд «На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.)». Впервые в рамках одной книги представлена столь широкая география рецепции и репрезентации образа России – на материале немецкой, английской, французской, польской, сербской, американской, канадской, испаноамериканской литератур, а также современной отечественной словесности. Некоторые авторы, раздвигая границы исследуемого материала, рассматривают проблему в широком историческом и культурном контексте, другие привлекают публикации СМИ, отражающие общественное мнение. Все участники этого проекта, осознавая масштабность своих поисков и открытий, подчеркивают значение имагологии в эпоху глобализации, усиления интенсивности взаимодействия между разными народами.

Теоретические основы имагологической рецепции и репрезентации изложены В. Б. Земсковым в вводной статье, которую он начинает с определения имагологии, уточняя ее место в системе наук и конкретизируя существенные аспекты этого понятия. По словам ученого, имагология (от лат. *imago* – образ) является и областью знания, и междисциплинарной, интегративной дисциплиной, которая изучает рецепцию своего мира или мира других/чужих [9]. В такой трактовке имагология понимается прежде всего как научное направление. Если же рассматривать понятие в исторической ретроспективе и видеть истоки имагологии в древности – в необходимости «культуроразличия, по принципу мы/они, свой/другой/чужой», то ее следует воспринимать и как «разновидность культурно-общественного сознания, особую и коренную форму миропознания, то есть специфическим и базовым видом культуротворчества». В таком расширительном понимании «имагология прошла столь же долгий путь, как и сама история человечества», при этом ее главными чертами оставались «универсальность и постоянная “зеркальная” обращенность к реальности, к культуре». В. Б. Земсков, кратко характеризуя предысторию имагологии, отмечает, что эта «область знания и со-знания» имеет давние корни и в области жизненной практики, и в области мифологии и фольклора, и в области начального исторического знания и философии, а ее научное обоснование было предпринято в XVIII–XIX вв., когда разрабатывались всевозможные теории для объяснения национальных различий.

Цель современной имагологии – «воссоздание целостного образа бытия отдельных исторических субъектов и в итоге – образа всего бытия в его целостности». Чтобы ее достичь, необходимо определить «инструменты», «механизмы» рецепции и репрезентации, или «особые разновидности имагологического инструментария». Этот важный аспект подробно комментируется В. Б. Земсковым: «Каждая культура любого уровня развития по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/чужих, которые характеризуют либо отдельные стороны, черты и свойства этих “других”, либо в целом их “сущность”, их идентичность, на фоне собственных представлений о норме и ценностях». Подобные сложные коммуникативные процессы осуществляются с помощью таких ставших традиционными механизмов и форм, как стереотип, имидж, образ (в узком значении слова). Определяя круг этих концептуальных имагологических понятий, В. Б. Земсков предлагает включить в него понятийно-логические структуры (или имагологические понятия), являющиеся продуктом таких аналитических дисциплин, как цивилизациология и культурология, которые «дают углубленную

оценку мира “других”, поясняют его специфичность как другой тип экзистенции, выявляют его базовые модели». В то же время ученый высказывает сомнение в целесообразности употребления терминов «миф», «мифологема», поскольку у них есть своя сфера применеуия, а в имагологии они приобретают «расплывчатый характер».

Первичными имагологическими формами, по мнению В. Б. Земскова, являются стереотипы, которые могут служить для построения других форм – имиджей и образов. Исследователь приводит разные определения стереотипа, начиная с трактовки американского социолога У. Липпмана, который ввел в научный оборот этот термин, до развернутой характеристики польского философа А. Шаффа. По его мнению, следует помнить, что стереотип – это факт сознания и культуротворческий феномен, выработанный культурой-реципиентом. Российский ученый настаивает на том, чтобы различать понятия «стереотип», «образ» и «имидж», предлагая закрепить за «имиджем» функцию политпропагандистского стереотипа, специально вырабатываемого в целях идеологической, геополитической борьбы на международной арене.

Для литературоведов особо значимым является понятие образа, но не как общей характеристики имагологической деятельности (образ России, образ Франции и т. п.), а в конкретном поэтологическом значении – художественный образ, созданный литературой, искусством. В отличие от «плоскостного» и однозначного стереотипа образ многомерен и многозначен, он передает плюралистичное, объемное, универсализованное видение другого/чужого. На вопрос, применимы ли понятия «истинный» или «ложный» в отношении имагологических образов, Б. В. Земсков отвечает отрицательно, продолжая: «Не годятся здесь и оценки типа “не объективно”, “субъективно”»: в образах искусства иной тип аксиологичности, более аналитический, усложненный, но главное, искусство воссоздает мир “другого” не как другого – чужого, а как другого – иного». Следует отметить еще одно важное замечание ученого, в котором подчеркивается значение искусства и литературы в межнациональном культурном диалоге: «Вообще высокая культура может вносить очень существенные коррективы в рецепцию страны, народа, создавая другой ряд характеристик, не отменяя при этом тех, что уже существуют». Кроме того, так называемые автостереотипы могут стать объектом глубокой самокритики в литературе и искусстве.

В совокупности перечисленные понятия создают картину мира другой страны, народа, и в зависимости от того, какие инструменты в первую очередь задействованы в этом процессе, в ней будут преобладать либо образно-символическое, либо понятийно-образное, либо понятийно-логические начала. Сопоставление разных картин мира даст некий суммарный образ другого/чужого, который будет основываться на устойчивых рядах фоновых представлений, на прецедентных стереотипах, образах, понятиях, символических объектах, исторических сюжетах, персонажах, мотивах и т. п.

Затрагивая проблему формирования имагологических образов, Б. В. Земсков утверждает, что другая/чужая культура оценивается, «рецензируется» и «цензурируется» через систему ценностей и норм, основных констант национально-этнической ментальности воспринимаемой стороны. При этом учитываются очень многие факторы: цивилизационная и конфессиональная принадлежность, идеология, политическая и экономическая системы, история взаимоотношений с этим «другим». Именно поэтому картины мира одной и той же страны в различных культурах-реципиентах могут сильно не совпадать. Кроме этого на формирование имагологической картины мира могут влиять и топографические факторы: близость/пограничность/дальность. В итоге взаимодействия этих факторов образ другого/чужого закрепляется в словесном, литературном творчестве, изобразительном искусстве, а в современном мире – в СМИ и Интернете, а главное – «в виде некой “туманности” культурно-бессознательного того

или иного общества», и из этих «туманностей» памяти при необходимости извлекаются готовые формулы – стереотипы, имиджи, образы.

Ученый делает важное замечание по поводу своеобразия развития образов другого/чужого: «Хотя имагология эволюционирует вместе с реальностью, но “наращивание”, наслоение все новых и новых характеристик не элиминирует старого, а просто создает дополнительные ряды. Старое никогда не исчезает и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о “другом”». И хотя картина мира другого/чужого тяготеет к малой подвижности, к инерции, В. Б. Земсков считает изучение ее исторической динамики важнейшей задачей имагологии, когда определяются не только устойчивые, традиционные элементы имагологического образа, но и новые наслоения и характеристики, связанные с историко-культурными изменениями. Исследователь предлагает свою схему исторической динамики развития имагологической рецепции и репрезентации в масштабах человеческой цивилизации, выделяя три основных этапа. Первый назван «Архаика, Древние цивилизации, Средние века», когда складывались родо-племенные, эпикомифологические, сказочные, раннецивилизационные, этнические стереотипы. Второй этап определяется как «Новое время – Современность», когда формируются новые стереотипы: религиозно-цивилизационно-культурные, имперско-идеологические, национально-этнические, а также создаются универсалистские образы литературы и искусства и пропагандистские, в том числе расистские, националистические имиджи. С середины XX в. начинается третий этап – эпоха массового сознания, телевидения, электронного культуротворчества, переходящая в эпоху Пост-Современности, когда господствуют стереотипы, политехнологические имиджи, понятийно-логические структуры, масскультура, образы-стереотипы. Литература и искусство сейчас сдают свои позиции в рецепции и репрезентации «других» культур, в то же время усиливается тенденция к огрублению, ужесточению стереотипов, что затрудняет международный диалог и приводит к непониманию и конфликтам. В принципе, имагологическая негативность типична в восприятии «других» просто потому, что «они» – «другие», утверждает ученый. На протяжении всей истории человечества примитивным, базовым механизмом, регулирующим взаимоотношения народов, остаются конкурентные отношения в борьбе за жизнеобеспечение, ресурсы. Все попытки противопоставить различным «центризмам» какую-либо универсалистскую парадигму не давали нужного результата: «борьба “центризмов” оказывается константой и механизмом мировой истории, а эффективным орудием этой борьбы всегда были и остаются имагологические стереотипы и имиджи». Современная имагологическая ситуация беспокоит многих мыслителей. Б. В. Земсков считает, что сейчас сформировалось новое направление, которое он называет «деконструктивистско-релятивистским», когда имагология по сути становится симулякром идеологии. «Имагология разрушила ясную картину мира и стала фундаментом манипуляции», – цитирует ученый известного писателя М. Кундери, а также приводит слова немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса о том, что имагология стала обозначать теперь «систематическое искажение, возникающее в процессе коммуникации» из-за ориентации не на реальность, а на искаженные образы СМИ, на псевдореальность.

В этих условиях обостряется и без того непростая проблема рецепции и репрезентации в мире образа России. В разделе «О строении русской культуры и ее имагологическом образе» Б. В. Земсков рассуждает о причинах сложного восприятия России и о «специфичности ее автостереотипов и, охватывая большой круг теорий и концепций, предложенных известными отечественными мыслителями XX–XXI вв., выяв-

ляет в них рациональное зерно и доказывает неубедительность отдельных положений. Ученый подчеркивает непреходящую злободневность проблемы: «Для западного человека вопрос: “Кто они?” столь же актуален, как для русских вопрос: “Кто мы?”» Рассматривая современные варианты западничества и славянофильства как крайности, В. Б. Земсков не принимает и корректное на первый взгляд определение России как Евразии, воспринимаемой как «реальная данность», считая более продуктивным восприятие русского евразийства как «развивающейся данности». Исследователь утверждает, что «внутри российско-евразийского пространства действуют не только бинарные, но и много более сложные, пока не изученные механизмы, порождающие “культурную сложность”, или так называемые “русские загадки”». Более того, «в постсоветский период парадигматика России и “русского” усложнилась... поскольку Россия – это полиполярная, поликультурная многосоставная страна, имеющая свой регулятивный механизм, поддерживающий ее сложное целое». Эти факторы напрямую влияют на имагологическую рецепцию и репрезентацию страны в современном мире.

Таким образом, сформулированные В. Б. Земсковым положения и обозначенные им проблемы свидетельствуют не только об актуальности имагологических исследований, но и о том, что это научное направление, имея мощный вектор развития, актуализирует потенциал других научных дисциплин – истории, философии, социологии, этнографии, культурологии, литературы и выводит их на уровень современных общественных запросов.

Исследования В. Б. Земскова и его коллег носят фундаментальный характер, выводят отечественную имагологию на новый, более высокий уровень развития, придают ей научную значимость, а также способствуют укреплению статуса литературоведения в современном обществе, в котором обострившиеся проблемы межнациональных отношений требуют неотложных решений. Их гуманизация – одна из центральных задач имагологии.

Ссылки на источники

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Егорова Л. П. Литературоведческая имагология // Егорова Л. П. Выпускные квалификационные работы по русской литературе. – М.: Высш. шк., 2009. – 296 с.
3. Луков Вл. А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. – 270 с.
4. Проблемы современного сравнительного литературоведения. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 96 с.
5. Реизов Б. Г. Сравнительное изучение литературы // Реизов Б. Г. История и теория литературы. – Л.: Наука, 1986. – 320 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Чернец Л. В. О тематике компаративистских исследований // Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. – М.: Высш. шк., 2008. – 352 с.
9. Земсков В. Б. Россия «на переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.). – М.: Новый хронограф, 2011. – 696 с. – Далее в тексте приводятся цитаты по этому изданию.

Olga Polyakova,

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor at the chair of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov

polyakoov@yandex.ru

Beginnings of Russian Imagology

Abstract. The author analyses the emergence and development of imagology in Russia as a branch of comparative literary studies investigating national images, specific features of reception of the other/alien in the system of culture. Special attention is paid to the research conducted in the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The leader of these studies was Prof. V. B. Zemskov, whose conception of imagology is considered in

the paper, including the main goals of this discipline, its inventory, the notions of stereotype, image, and also the mechanisms and historical aspects of imagological reception and representation.

Key words: imagology, comparative literary studies, national image, stereotype.

References

1. Bahtin, M. M. (1979). *Jestetika slovesnogo tvorchestva*, Iskustvo, Moscow, 424 p. (in Russian).
2. Egorova, L. P. (2009). "Literaturovedcheskaja imagologija", in Egorova, L. P. *Vypusknye kvalifikacionnye raboty po russkoj literature*, Vyssh. shk., Moscow, 296 p. (in Russian).
3. Lukov, V. A. (2012). "Imagologija: tezaurnye rasshirenija", *Imagologicheskie aspekty russkoj i zarubezhnyh literatur*, OOO "Raduga-PRESS", Kirov, 270 p. (in Russian).
4. (2004). *Problemy sovremennogo sravnitel'nogo literaturovedenija*, IMLI RAN, Moscow, 96 p. (in Russian).
5. Reizov, B. G. (1986). "Sravnitel'noe izuchenie literatury", in Reizov, B. G. *Istorija i teorija literatury*, Nauka, Leningrad, 320 p. (in Russian).
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Chernec, L. V. (2008). "O tematike komparativistskih issledovanij", in *Sravnitel'noe literaturovedenie: Rossija i Zapad*, Vyssh. shk., Moscow, 352 p. (in Russian).
9. Zemskov, V. B. (2011). "Rossija 'na perelome'", in *Na perelome: obraz Rossii proshloj i sovremennoj v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konec XX – nachalo XXI vv.)*, Novyj hronograf, Moscow, 696 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию <i>Received</i>	19.07.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	20.07.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	20.07.16	Опубликована <i>Published</i>	29.07.16

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016

© Полякова О. А., 2016